

Н.Ю.Кудеярова

Эпоха массовых миграций в Латинской Америке: глобализация vs локализация

В статье анализируются миграционные процессы, развивавшиеся в странах Латинской Америки после обретения ими независимости. Образование независимых государств привело к смене парадигмы миграционных процессов: центр миграционной политики переместился в страны-реципиенты, мобильность стала определяться преимущественно частными социально-экономическими мотивами. В этот период география и динамика человеческих потоков стала зависеть от соотношения глобальных и локальных детерминант. Обозначенные характеристики дают возможность проследить изменение специфических механизмов, влияющих на мобильность людей в разные исторические периоды.

Ключевые слова: Латинская Америка, Испания, миграция, глобализация, мобильность, интеграция.

Закат колониальной эпохи в Латинской Америке происходил на фоне усложнения эндогенных социально-экономических и демографических процессов — росла численность населения, менялась этническая и социальная структуры обществ. Попытки реформирования устоявшейся системы отношений между европейскими метрополиями и колониями не приводили к снятию нараставших противоречий. Закономерным итогом стала Война за независимость в Испанской Америке 1810—1826 гг., которая привела к ликвидации колониального режима, установлению политической независимости и образованию ряда государств. Тем самым было покончено с многочисленными монополиями, запретами, регламентацией, сковывавшими экономическое развитие колоний¹. Хотя путь Бразилии был иным, результатом сходных процессов стало образование в 1822 г. Бразильской империи, а по прошествии времени — республики.

Появление независимых государств способствовало смене парадигмы миграционных процессов и дало толчок зарождению нового этапа мигра-

Надежда Юрьевна Кудеярова — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН (n.kudeyarova@yandex.ru).

ций с принципиально иными фундаментальными характеристиками². Перенос центра контроля (стимулирования / ограничения миграции) из страны-донора (ранее метрополии) в страны-реципиенты отразился и на качественных признаках территориальной мобильности. Так, миграция перестала быть инструментом государственной политики метрополии и стала уделом частной жизни граждан. Разрушение колониальной системы повлекло за собой естественную диверсификацию очагов управления мобильностью в соответствии с числом образовавшихся государств, миграционная политика стала их внутренним делом.

ПЕРВАЯ ВОЛНА ГЛОБАЛИЗАЦИИ. МИГРАЦИОННАЯ ПРОЕКЦИЯ

Обретение независимости латиноамериканскими колониями принципиально не изменило вектор миграционного движения. Для периода становления новых государственных институтов и структур управления было характерно естественное сокращение числа желающих переехать в Новый Свет. «Замороженное» состояние наблюдалось в течение нескольких десятилетий. Постепенно в отношениях между Европой и Латинской Америкой начала формироваться новая модель миграции, основой которой стала частная экономическая мотивация.

По мере стабилизации политического устройства и укрепления национальных экономик возникал вопрос о трудовых ресурсах. Он был обусловлен малонаселенностью, наличием обширных пространств и огромных естественных ресурсов. В XIX в. правительства ряда стран ощущали нехватку собственного населения для решения задач удержания и освоения имеющихся территорий.

С конца 50-х до окончания 80-х годов XIX в. источником миграции в латиноамериканские страны являлась романоязычная периферия промышленно развитой Европы — юг Франции, север Италии и Испании. Индустриализация и технологическое совершенствование производства в Европе приводило к увеличению числа незадействованных рабочих рук; политическая нестабильность, межгосударственные конфликты и войны усиливали действие выталкивающих факторов, побуждая население обращать свой взор на неосвоенные земли Латинской Америки.

Уход в прошлое колониальных запретов на поселение иностранцев привел к расширению списка стран-доноров миграции. Тысячи людей — крестьян и городских ремесленников, разорившихся мелких собственников, сорванных социальными катаклизмами с родных мест, — отправлялись на американский континент в поиске лучшей доли и новых возможностей. Открытие регулярного трансатлантического пароходного сообщения способствовало осуществлению массовых пассажирских перевозок. Динамика миграционных процессов в XIX в. стала демонстрацией возрастающей связи мобильности людей с развитием технологий, а также преобладания экономического мотива³.

Некоторое сходство бытового уклада, языковое родство облегчали адаптацию переселенцев к новым условиям. Именно средиземноморский поток сформировал базовые свойства миграции той эпохи. Определяющую роль сыграл географический фактор — наибольшее число европейских иммигрантов приняли страны атлантического побережья — Аргентина,

Бразилия и Уругвай. В этих государствах можно наглядно увидеть эффект миграционного воздействия на демографическую динамику и социально-экономические характеристики населения.

Важной составляющей изменения парадигмы миграционного движения стало перемещение центра регулирования в страну, принимающую переселенцев. Ярким примером подобной политики может считаться *Аргентина*. Так, уже в 1812 г., через два года после Майской революции, был принят декрет о содействии иммиграции. В документе отмечалось, что желающим переселиться должны были предоставляться широкие льготы. По конституции 1853 г. (ст. 25) правительство обязывалось содействовать земледельческой колонизации и не ограничивать приток людей в страну. В 1869 г. в Буэнос-Айресе была создана Центральная иммиграционная комиссия, в задачи которой входили наем иммигрантов в Европе и устройство их в Аргентине. В ряде стран Европы были образованы миграционные центры, занимавшиеся привлечением рабочих рук в латиноамериканскую страну. Аргентинское правительство оплачивало переселенцам проезд из Европы (с последующим возвратом ими этой суммы) и предпринимало меры по облегчению трудоустройства иммигрантов. В 1876 г. был принят Закон об иммиграции и колонизации, остававшийся в силе вплоть до Первой мировой войны. В нем упорядочивались ранее принятые меры привлечения и трудоустройства иммигрантов, обозначался механизм работы иммиграционных служб в портах и Иммиграционного дома в Буэнос-Айресе⁴. Естественно, что реальность существенно отличалась от прописанного в документах. Так, план наделения мигрантов землей потерпел неудачу, анонсированные меры зачастую оставались на бумаге. Тем не менее предпринимаемые усилия сказывались на объеме привлечения рабочей силы из-за океана.

Открывшаяся возможность переезда из Европы в Аргентину в XIX в. коренным образом видоизменила количественный и качественный состав принимающего общества. Если в 1809 г. численность населения аргентинской территории оценивалась в 609 тыс., то на момент первой переписи страны 1869 г. она составила 1 млн 830 тыс. человек, из них иностранцами были 11,5%. Эра массовой миграции еще только наступала. Благодаря переселению европейцев менее чем за полвека, с 1869 по 1915 г., население Аргентины выросло в четыре раза и достигло 7 млн 900 тыс. человек, а доля иностранцев выросла до 30%⁵.

Миграционный поток отличало значительное разнообразие стран исхода. Среди основных групп мигрантов выделялись итальянцы (в среднем в эти годы около 50%) и испанцы (30%). Выходцы из романоязычных стран в целом составляли свыше 85% всего переселенческого потока. На рубеже XIX—XX столетий в процесс межконтинентальной мобильности включились страны Восточной Европы, когда за океан потянулись массы безземельных крестьян и безработных горожан из балканских государств, национальных окраин Австро-Венгрии, Польши и России⁶. Значительную долю этой волны составили подвергавшиеся гонениям евреи. Для многих представителей данного потока незнание испанского языка являлось серьезным препятствием при взаимодействии с аргентинцами и, как следствие, сказывалось на возможностях социальной мобильности. Весомый вклад в этническое разнообразие миграции рассматриваемого периода внесли так

называемые турки — левантийцы (выходцы из Ливана, Сирии и Палестины), подданные Османской империи.

Важную роль в продвижении миграции вглубь страны сыграло интенсивное строительство железных дорог. Так, благодаря проведению ветки в г. Мендосу, доля населения итальянского и французского происхождения в западных континентальных провинциях Сан-Луис и Мендоса увеличилась с 0,5% в 1869 г. до 24% в 1895 г. Сходная ситуация наблюдалась и в центральной провинции Кордова, где до 1870 г. насчитывалось лишь 1737 иностранцев (0,8% всего населения), а в 1908 г. их было уже 76,8 тыс. человек (из них 60% были итальянцами)⁷.

Миграционная волна XIX в. сформировала новый облик населения страны. Она привела к усложнению структуры аргентинского общества, к расширению, прежде всего, среднего и низшего социальных слоев. Разнообразие характеристик среднего класса появлялось за счет притока иммигрантов в экономику, что непосредственно воздействовало на процесс социальной, политической и культурной модернизации. Несмотря на рост числа промышленников и коммерсантов, высший класс, владевший основными богатствами страны, был закрыт для иммигрантов. Экономическая власть, ассоциируемая с земельной собственностью, была сконцентрирована в кругу аристократии «старой» элиты, составлявшей к 1914 г. 1% населения.

В ходе свободного межконтинентального передвижения с 1870 по 1915 г. в Аргентину прибыли свыше 7 млн иностранцев. Однако надо отметить, что около 58% человек впоследствии покинули страну, либо вернувшись на родину, либо продолжив миграцию в сторону США⁸. Значительную часть реэмигрантов составляли сезонные сельскохозяйственные рабочие, которые возвращались в Европу по окончании работ (так называемые *emigración golondrinas* — ласточки). Достигнув пиковых значений к 1914 г., в период Первой мировой войны переселенческий поток существенно сократился.

В сходном ключе развивалась ситуация в **Бразилии**, где еще в конце колониальной эпохи предпринимались усилия для заселения стратегически важных южных районов. Стимулирование миграции стало одним из приоритетов государственной политики крупнейшей страны региона. Первые шаги по привлечению иммигрантов были предприняты в 1824 г. (декрет N 80), а также в некоторых программах, гарантирующих оплату переезда мигрантов. В южных штатах для закрепления переселенцев существовала практика наделения их небольшими участками земли, главным образом, в неосвоенных областях. В первой половине XIX в. приток людей был невелик, значительную часть составляли выходцы из Германии, селившиеся в южных штатах Санта-Катарина и Риу-Гранди-ду-Сул. В 1824—1855 гг. бразильское правительство помогло переехать почти 20 тыс. немецких колонистов⁹.

Относительно либеральная политика была приостановлена с отречением в 1831 г. бразильского императора Педру I. Однако в 1840-х годах потребность в рабочей силе привела к возобновлению действий по привлечению мигрантов. Постепенно колонизация южных районов перестала определять характер общей территориальной мобильности, уступая усиливавшемуся влиянию экономических потребностей. Сохранявшаяся система рабовладения сдерживала приток мигрантов в страну. Нараставший кризис рабовладельческого производства усиливал потребность в наемной трудовой силе.

Запрет на работорговлю, введенный в Великобритании в 1807 г., а также в разной степени и в других странах, в том числе Дании (1803), Нидерландах (1814), Испании, Франции, Португалии, заметно осложнили данную деятельность. «Свободную» работорговлю сменила контрабандная. Однако по факту запреты не стали барьером для ввоза рабов как в Бразилию, так и на сохранявшиеся территории Испанской империи, прежде всего Кубу и другие острова Карибского моря. По данным американского историка Филипа Кёртина в 1801—1870 гг. в Бразилию были ввезены 1 млн 145 тыс. рабов с африканского континента и 606 тыс. в регионы Испанской Америки¹⁰. Эти значения подчеркивают масштаб существовавшей в XIX в. межконтинентальной миграционной активности по линии Африка — Латинская Америка, хотя и имевшей столь архаичную форму. Показательно, что в анализе иммиграции в Бразилию в XIX в. (как, впрочем, и в другие регионы Латинской Америки), африканский компонент зачастую остается за рамками, а акцент делается на свободное передвижение людей. Так, согласно переписи 1872 г. на территории Бразилии насчитывалось около 350 тыс. переселенцев — людей европейского происхождения, около половины из них составляли португальцы¹¹.

Отмена рабства в Бразилии в 1888 г. спровоцировала нехватку рабочей силы в экономике, от которой особенно пострадали производители кофе. Значительное число иммигрантов этого периода поглощалось кофейным производством, процветавшим в центрально-восточной зоне страны. Владельцы фазенд часто применяли систему, при которой часть заработка сельскохозяйственного рабочего составлял доход с обработки небольшого личного участка на плантации¹². Однако условия труда и традиции рабовладельческой организации производства были малоприспособленными для закрепления на этих землях свободных трудовых мигрантов.

Дисбаланс территориального распределения населения и нехватка рабочих рук привели к принятию в 1889 г. закона N 58 о натурализации иностранцев, проживавших на территории Бразилии. Решение о создании разветвленной сети эмиграционных агентств активизировало рекрутирование людей из Западной, Юго-Западной Европы и России. В 1890 г. был принят закон N 528, в котором, наряду с установлением свободного доступа европейских мигрантов, вводились ограничения на въезд для уроженцев Азии и Африки¹³. Однако уже в 1892 г. азиатская иммиграция была разрешена.

Волна массовой миграции (1890—1930 гг.) пришла в Бразилию с некоторым отставанием от соседней Аргентины. Ее приближение было заметно уже в преддверии отмены рабства в 1888 г. Так, за десять лет до этого исторического рубежа в страну прибыли 298 тыс. человек, из которых 29% были португальцами и 53% итальянцами. За 15 последующих лет число вновь прибывших переселенцев достигло 1 млн 600 тыс., при этом доля итальянцев выросла до 60%, португальцы составили 18%, а на третье место вышли испанцы — 12%¹⁴.

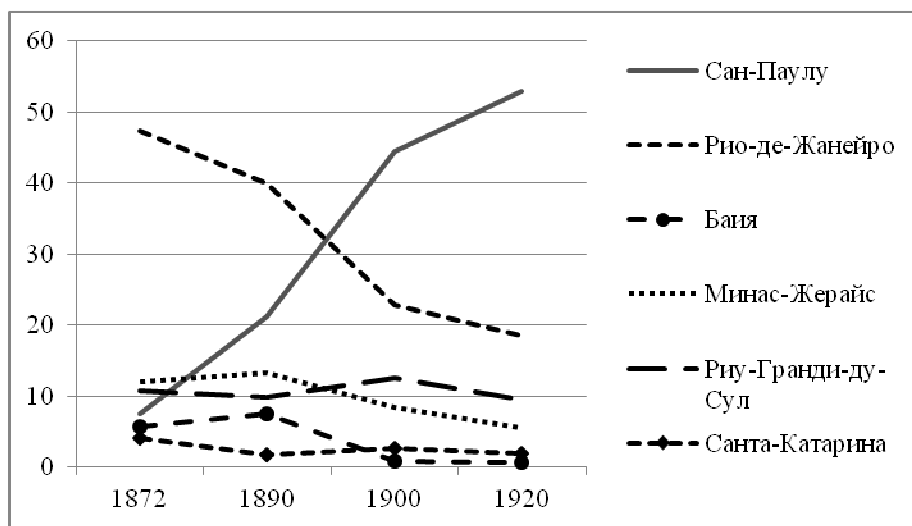
Постепенно становилось заметным присутствие мигрантов из других регионов Европы и России. Осевшие в Бразилии российские эмигранты (русские, поляки, украинцы) относились к числу малоземельных крестьян, сельскохозяйственных неквалифицированных рабочих. В конце XIX в. бразильское правительство поощряло иммиграцию земледельцев, уроженцы России занимались возделыванием известных им культур, что способствовало значительному росту производства пшеницы в традиционно ско-

товодческом штате Риу-Гранди-ду-Сул. На этот же период приходится начало иммиграции в Бразилию уроженцев Ближнего Востока. С 1890 по 1914 г. в страну прибыли около 60 тыс. сирийцев и ливанцев. Хотя большинство из них были сельскими жителями, мало кто выбирал эту деятельность на новом месте, отдавая предпочтение мелкорозничной торговле¹⁵. С началом XX в. в общий миграционный поток влилась новая этническая струя переселенцев — из Японии. Она поддерживалась как японским, так и бразильским правительствами, способствовавшими их закреплению на новой земле. Первая группа японцев отбыла из порта Кобе в 1908 г.; к 1914 г. в латиноамериканской стране находились 15,5 тыс. представителей страны восходящего солнца, они селились в сельских районах штата Сан-Паулу¹⁶.

Распределение мигрантов по стране было неравномерным (см. график 1). В начале основным регионом, принимавшим мигрантов, был столичный Рио-де-Жанейро, однако развитие кофейных плантаций в штате Сан-Паулу перетянуло значительное число переселенцев на его территорию. Если в северных и северо-восточных штатах, а также в Минас-Жерайсе португальцы составляли от 20 до 45% общего числа иностранцев, то в Рио-де-Жанейро их было около 70%. В южных штатах Сан-Паулу и Риу-Гранди-ду-Сул преобладали итальянцы (48 и 33% соответственно), а португальцев было менее одной пятой¹⁷.

График 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МИГРАНТОВ ПО ТЕРРИТОРИИ БРАЗИЛИИ (% населения штата)

Составлено автором по данным: Levy M.S.F. O papel da migração internacional na evolução da população brasileira (1872 a 1972). — Revista de Saúde Pública. São Paulo. 1974, vol. 8 (supl.), p. 78.

На протяжении XIX — начала XX в. в Бразилию прибыли более 3,6 млн человек. Но значительная часть (около 15%) не осталась в стране и реэмигрировала. Обратный отток происходил главным образом из плантационных

районов. Население страны к началу XX в. составило 18 млн человек, а доля в нем мигрантов — 6,2%¹⁸. В начале XX в. данный относительный показатель достиг максимального значения и дальнейшем постепенно снижался.

Миграционная волна затронула все атлантическое побережье Южной Америки. Как и в других странах региона, креольское правительство *Уругвая* видело приоритетной целью заселение территории и таким образом фиксацию имеющихся границ. Подобные устремления нашли отражение в первой конституции, среди прочего закрепившей принцип свободного въезда в страну. Уже к окончанию Гражданской войны 1839—1851 гг. стал наблюдаться устойчивый рост числа мигрантов. Согласно переписи 1860 г. иностранцы составили 34% населения страны, причем значительная часть переселенцев обосновалась в Монтевидео, где они составили около половины всех горожан¹⁹. Европейская иммиграция оказала заметное демографическое влияние: увеличилась общая численность, модифицировалась возрастная структура, произошла маскулинизация населения страны.

Во второй половине XIX в. среди европейских иммигрантов преобладали итальянцы (34,4%), испанцы (30,3%) и французы (4,6%). В прибрежной зоне важное влияние оказывала миграция из сопредельных Бразилии (15,3%) и Аргентины (10,3%). В первой декаде XX в. активизировался приезд выходцев из Ближнего Востока и Восточной Европы. Пик абсолютных значений иммиграции в Уругвае был зафиксирован переписью 1908 г., когда число уроженцев других стран составило 180 тыс. или 17,4% всего населения. За прошедшее XIX столетие население республики продемонстрировало высокие темпы роста с 74 тыс. (к началу периода независимости) до 1 млн 54 тыс. в указанный год переписи²⁰.

Несмотря на то, что в миграционных процессах принимали участие в той или иной степени все государства региона, ни в одной стране тихоокеанского побережья миграция не достигла сопоставимых масштабов, ее влияние было локальным.

Волна межконтинентальной миграции в Латинской Америке, расцвет которой пришелся на период с 1870 по 1920 г., была важной частью мирового процесса глобализации. Свободная торговля, свободное движение капитала и доминирование золотого стандарта в экономике стали атрибутами первой волны глобализации и сформировали фундамент, позволивший реализоваться значительному потенциалу эффекта массовой миграции. Переселенческая волна второй половины XIX в. привела к еще одной трансформации этнического состава населения региона, прежде всего атлантического побережья, и формированию современного облика большинства латиноамериканских стран.

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ПОТОКОВ: РАЗВИТИЕ ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНЫХ МИГРАЦИЙ (1920—1980 ГОДЫ)

Эпоха бурного трансатлантического передвижения, сопровождаемая послевоенной разрухой в Европе, ограничительными мерами, введенными в США, американским экономическим кризисом конца 1920-х годов, постепенно шла на спад. На коротком временном промежутке рестрикционная политика США в отношении европейских переселенцев подстегнула поток в Южную Америку. Однако замедление темпов роста экономик ла-

тиноамериканских государств, введение в странах к югу от экватора новых норм регулирования, в том числе квотирования миграции, приводили к снижению трансатлантической мобильности населения.

Смена этапов миграционных процессов не имеет четких демаркационных линий, они накладываются и пересекаются между собой, но, тем не менее, обладают характерными признаками, позволяющими отследить поступательные изменения. С 1920-х годов в профиле миграций в Латинской Америке стали проявляться новые черты. Доля европейцев начала снижаться, уступая место мигрантам из сопредельных латиноамериканских стран. *Локализация* стала антитезой предшествовавшей *глобализации*, проявлением как общей нестабильности, так и неуклонно нараставшего различия темпов социально-экономического развития стран региона. Хотя окончание Второй мировой войны и придало новый импульс европейской миграции, внутриконтинентальная мобильность набирала все большую силу. Этот процесс наглядно прослеживался на примере Аргентины, где в период 1950—1954 гг. из 418,4 тыс. приехавших иностранцев 66% представляли итальянцы и испанцы, а жители латиноамериканских государств — 21,5%. За пять последующих лет картина кардинально изменилась, и из 250,4 тыс. людей, пересекших аргентинскую границу в 1955—1959 гг., латиноамериканцев было уже 66,5% против 29,5% выходцев из средиземноморских романоязычных стран²¹.

Географические особенности и естественные природные барьеры — амазонская сельва, пустынные зоны и горы — вносили коррективы в формирование карты движения людских потоков в Латинской Америке. Пограничная мобильность нередко развивалась в районах, где линии государственного разделения проходили по территориям проживания крупных этносов. Подобные формы мобильности зачастую преобразовывались в трудовую миграцию, когда в сельском хозяйстве требовались преимущественно сезонные работники.

Развитие внутрорегиональных процессов сформировало несколько центров, притягивающих жителей сопредельных стран. В южной части континента ими стали Чили и Аргентина. На тихоокеанском побережье Чили вовлекла в свою орбиту андские страны. Экономическая детерминанта наглядно просматривается через показатель ВВП на душу населения. В 1950 г. в Чили он в среднем был в 1,7 раза выше, чем в соседней Перу, и в 2 раза, чем в Боливии, и на протяжении второй половины XX в. данный разрыв лишь увеличивался²². Рост эмиграции из Перу, подстегиваемый экономическим спадом и гиперинфляцией, отчетливо проявился после 1980 г. Серьезное выталкивающее воздействие оказывали внутренний вооруженный конфликт и деятельность леворадикальных террористических группировок. Между соседними Чили и Аргентиной, разделенными цепью Андских гор, также шел активный миграционный обмен. В 1970 г. в атлантической стране насчитывалось 116 тыс. чилийцев, а в тихоокеанской — 13 тыс. аргентинцев, что составляло около четверти иностранного населения Чили²³.

В атлантической зоне Южного конуса Аргентина сосредоточила на себе миграционные потоки из Парагвая и Боливии, состоявшие в массе из низкоквалифицированных рабочих. Экономический фактор также был одним из определяющих. В 1950 г. показатель ВВП на душу населения в Аргентине в 3,1 раза превышал аналогичный показатель в Парагвае и в 2,6 ра-

за — в Боливии²⁴. Если в 1960 г. в общей численности иммигрантов в Аргентине доля парагвайцев составляла 6%, а боливийцев 3,5%, то к 1990 г. она достигла 15,6 и 9%, соответственно²⁵. Для граждан Парагвая сопредельная Аргентина стала основной страной эмиграции: в период продолжительной диктатуры Альфредо Стресснера (1954—1989) Аргентина дала убежище многим противникам военного режима. Однако с установлением военно-авторитарного режима в самой Аргентине многие из политических беженцев также подверглись гонениям.

Миграционные течения между сопредельными государствами зависели не только от уровня экономического развития. Во второй половине XX столетия вопросы безопасности и ужесточения политических режимов стали непосредственным образом воздействовать на характер мобильности. Приход к власти авторитарных военных режимов, внутренние вооруженные конфликты провоцировали исход значительной части населения. Так, в период диктатуры Аугусто Пиночета (1973—1989) по политическим причинам Чили покинули, по различным оценкам, от 400 тыс. до 1 млн человек, что составляло около 10% населения²⁶. Эмиграция из Аргентины в с 1974 по 1983 г., спровоцированная деятельностью военных, достигла полумиллиона человек, для Уругвая значения колебались в диапазоне 250-300 тыс. человек в период с 1968 по 1985 г., что составляло, соответственно, 0,9-1,3% и 10-13% населения этих стран²⁷. В результате во второй половине XX в. Аргентина продолжала притягивать трудовую силу, но низкой квалификации, «экспортируя» при этом профессиональные и научные кадры. Ограничения политических прав и гражданских свобод привели к «утечке умов», что негативно сказалось на потенциале развития государств региона.

В другой части южноамериканского континента непрекращающийся внутренний вооруженный конфликт с организациями леворадикального толка стал причиной исхода значительного числа жителей Колумбии в Венесуэлу. Этому способствовали и экономические факторы, выражавшиеся в трехкратном превосходстве Венесуэлы в показателе уровня ВВП на душу населения (по данным на 1973 г.)²⁸. Около половины мигрантов в Венесуэле составляли выходцы из соседней Колумбии. Сходная причинно-следственная связь наблюдалась и в других регионах. В Центральной Америке благополучная Коста-Рика амортизировала последствия военного конфликта и социальных катаклизмов сопредельной Никарагуа. В 2000 г. в Коста-Рике никарагуанцы представляли 76,4% мигрантов. В Карибском бассейне население Гаити мигрировало преимущественно в Доминиканскую Республику, где в 2002 г. они составляли 69,3% иммигрантов²⁹.

Миграции между сопредельными странами стали доминирующей моделью региональной миграции во второй половине XX в. Но первенство в этом процессе по численности и совокупным последствиям принадлежало стремительно нараставшей мексиканской миграции в США. В ее основе лежало не только очевидное различие в уровне экономической мощи стран, но и большой комплекс внутренних экономических и социальных причин в Мексике, воздействие которых было глубоким и масштабным. Стремительный рост численности мигрантов начался в 1970-е годы. Этому предшествовал 30-летний период, подготовивший условия для расширения массовости потока. Важную роль сыграла совместная мексикано-американская программа привлечения сельскохозяйственных рабочих — Про-

грамма Брасеро (1942—1965), по которой сотни тысяч мексиканцев приезжали по сезонному найму в США. Она стала своеобразным стержнем, вокруг которого сформировался сопутствующий поток нелегальной миграции. Результатом стало формирование к 60-м годам XX в. самовоспроизводящейся системы, которая уже напрямую не зависела от объемов подписанных контрактов на сезонную работу в США. Сложившаяся сеть обеспечивала нелегалам каналы трансграничного трансфера, способствовала поиску работы и гарантировала помощь диаспоры. После завершения программы в 1965 г. численность мексиканских нелегалов постоянно росла³⁰.

Принципиально важной характеристикой разворачивавшейся ситуации становилось усиленное демографическое давление. В 1960-е годы темп прироста населения Мексики достигал пиковых значений за всю историю страны, тенденцию поддерживал и высокий уровень рождаемости, который составлял 32,2 на тысячу жителей в год³¹. За сто лет население страны увеличилось в восемь раз с 15,2 млн в 1910 г. до 112 млн человек в 2010 г.³². Трансформирующаяся мексиканская экономика не могла справиться с избытком рабочих рук, прежде всего в сегменте труда низкой квалификации. Высокий демографический рост продуцировал избыток населения в сельскохозяйственных штатах, что означало исход и концентрацию крестьян в крупных городах, столичной агломерации, а также на севере в районе мексикано-американской границы³³.

В совокупности это привело к тому, что численность мексиканских трудовых мигрантов в США стала одной из самых больших в мире, сама латиноамериканская страна заняла лидирующие позиции среди ведущих государств — источников миграции. В абсолютных значениях к 2010 г. (году последней переписи населения Мексики) за пределами страны находились 11,9 млн мексиканских граждан (10,2% населения страны), при этом практически все (98,1%) — на территории США³⁴.

Вторая волна глобализации в силу географических особенностей американского континента воплотилась в региональной локализации миграционных потоков. Ее численной доминантой стал мексикано-американский очаг миграционного взаимодействия. Можно констатировать, что во второй половине XX в. мексиканская миграция стала стержневым элементом модели внутрирегиональной пограничной миграции, а ее масштабы стали причиной формирования крупнейшего центра трансграничной мобильности в Западном полушарии.

КОНЕЦ XX — НАЧАЛО XXI ВЕКА: ТРАНСФОРМАЦИЯ УСТОЯВШИХСЯ МОДЕЛЕЙ

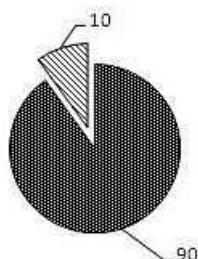
Возвращение в 1980-е годы в ряде государств региона демократически избираемых гражданских правительств сопровождалось негативными макроэкономическими тенденциями. Этот период вошел в историю Латинской Америки как «потерянное десятилетие», что отражало общее состояние экономического застоя. Социально-экономическая обстановка характеризовалась ростом безработицы, обнищанием широких слоев населения и углублением социального неравенства. Проведенные неолиберальные реформы не только не ослабили остроту социальных проблем, но, наоборот, усугубили их, дав толчок новой волне миграции.

По мнению автора статьи, к этому времени в масштабе Западного полушария сформировались два ареала территориальной мобильности (см. график 2). Первый — Северный, вобравший в себя Мексику, государства Центральной Америки и Карибского бассейна, — ориентирован на США. На долю североамериканского гиганта приходится 90% миграционного потока из стран обозначенного региона. Второй — Южный — включает в себя страны Южной Америки, где произошла значительная диверсификация направлений миграционных потоков. Так, по данным Всемирного банка в первом десятилетии XXI в. на внутрорегиональную мобильность приходилось 33,6% миграций южноамериканцев, в США отправлялось 24,5% выходцев региона, европейское направление притягивало 29,7%, причем только одна Испания приняла 16,5% общего количества мигрантов обозначенного региона, или 55% переселенцев в Европу. Новым штрихом в этой панораме стала Япония, принявшая 3,6% совокупного южноамериканского потока³⁵. Таким образом, отчетливо проявляются черты двух принципиально различных по своим территориальным и социально-экономическим характеристикам моделей мобильности в Латинской Америке. Можно предположить, что имеющиеся различия будут усиливаться.

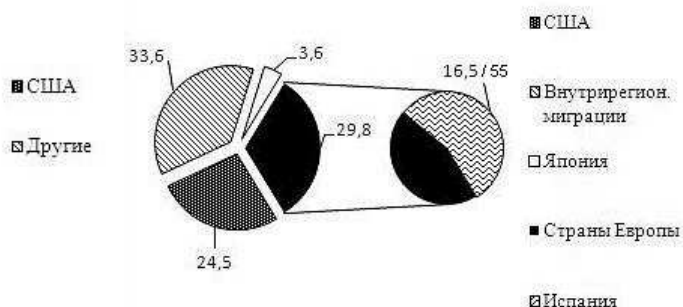
График 2

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ (%)

Северный ареал
Численность 23 млн 981 тыс.

Южный ареал
Численность 12 млн 107 тыс.

Составлено автором по данным: World Bank. Bilateral Migration Matrix 2013.

Современный виток технологического прогресса ускорил темпы миграции и увеличил скорость трансформации потоков, что заметно сократило циклы развития новых статистически значимых явлений. Удешевление авиаперевозок вновь сделало актуальной межконтинентальную миграцию, прежде всего — в Европейский союз. Многолетние связи, сформированные предыдущими трансокеанскими волнами, сыграли определяющую роль в становлении новых направлений территориальной мобильности. Как отмечалось в докладе Международной организации по миграции (International

Organization for Migration, IOM), среди основных осей, связывающих Южную Америку с Европой и Азией, выделялись следующие: Эквадор, Колумбия, Аргентина, Боливия и Перу — Испания; Эквадор и Перу — Италия; Суринам — Нидерланды; Бразилия — Испания, Португалия; Перу и Бразилия — Япония³⁶. Этот список подчеркивает роль, которую играют не только экономические факторы, но и сформировавшиеся ранее социальные сети и история двусторонних отношений. Так, в новом столетии Япония вышла на второе место по приему бразильских мигрантов, уступив лишь США и заметно обогнав «историческую родину» — Португалию. Бразильская диаспора, имеющая японские исторические корни, является третьей по численности в Японии, уступая лишь мигрантам из Республики Кореи и КНР³⁷.

Массовая латиноамериканская миграция в Испанию — казалось бы, частный случай миграционной турбулентности. Однако за короткий срок она изменила стереотип трансатлантической мобильности, который формировался на протяжении десятилетий. Этому способствовали негативные процессы, происходившие в латиноамериканских странах в 1980—1990-х годах, когда около половины населения жило за чертой бедности, уровень безработицы измерялся двузначными числами, и гиперинфляция была повседневым фоном. Результатом стало десятикратное увеличение латиноамериканского присутствия в Испании: если в 1999 г. насчитывалось 140,5 тыс. выходцев из стран региона, то к 2009 г. их численность составила 1 млн 422 тыс. человек. Наибольшие показатели пришлось на шесть стран: Эквадор (440,3 тыс.), Колумбию (287,2 тыс.), Перу (144,6 тыс.), Боливию (117,1 тыс.), Аргентину (103,2 тыс.) и Доминиканскую Республику (87,2 тыс.)³⁸. Активными участниками новой трансатлантической мобильности стали жители андского региона — выходцы из стран, на протяжении второй половины XX в. вовлеченных преимущественно в региональные миграции.

Резкое увеличение масштабов миграции шло параллельно с консолидацией иммигрантских этнических общин. Как отмечала российский исследователь Тамара Степановна Кондратьева, «распространенная ранее индивидуальная интеграция иммигрантов в принимающее их общество все больше заменяется коллективной интеграцией, в результате чего возникает иная, диаспоральная форма расселения народов»³⁹. Диаспора, с одной стороны, крепко вплетена и интегрирована в экономику принимающего общества, а с другой — поддерживает тесные связи с исторической родиной. Она становится средой, способной оказать помощь мигрантам на разных стадиях пребывания в стране, задействовав социальную сеть поддержки ее членов. Современные темпы миграции, ее масштаб и скорость смены циклов невозможны без подобного адаптационного механизма, он способствует увеличению массовости потока и его дальнейшей адаптации, оставляя открытым вопрос об интеграции переселенцев. Современные коммуникационные технологии сделали дилемму потери связи с родиной неактуальной, позволив людям одновременно «присутствовать» в странах происхождения и пребывания. Членам современной транснациональной диаспоры больше не приходится выбирать между ассимиляцией и сохранением ценностей этнического меньшинства.

Характерная особенность современного этапа миграционного процесса — активное включение в него женщин. Согласно данным Всемирного банка во второй половине XX в. произошло выравнивание долей мужчин и жен-

щин, включенных в миграционные процессы⁴⁰. Значительный вклад в феминизацию переселенческих потоков внес регион Латино-Карибской Америки. Это изменение прослеживается и на испанском примере, где, согласно данным, полученным в ходе национального опроса иммигрантов в Испании 2007 г., женщины составили 54% иммигрантов из стран Латинской Америки. Наибольший уровень феминизации наблюдался среди выходцев из Колумбии (59%), Боливии (54%) и Эквадора (52%)⁴¹. За это время сформировались две базовые модели трудовой миграции женщин: в качестве самостоятельного (независимого) мигранта или в составе семьи, сопровождая основного мигранта. В мировом масштабе высокая доля женщин является отличительной чертой латиноамериканского и европейского миграционных потоков.

Сокращенные циклы миграционных волн и гибкость современных миграционных моделей позволяют чутко реагировать на изменение глобальной экономической ситуации. Мировой экономический кризис 2008—2009 гг. внес существенные коррективы в конфигурацию базовых потоков. В ряде стран Европы и в США, ранее столкнувшихся с массовой иммиграцией, была спровоцирована обратная волна переселения. Сжавшийся рынок труда и отсутствие перспектив трудоустройства стимулировали отток мигрантов на родину. В случае с иберийскими странами экономическая турбулентность также подстегнула многих коренных жителей — испанцев и португальцев — к поиску лучших условий работы и жизни в Латинской Америке. Подобная двойственность и взаимозависимость постепенно формируют новые характеристики миграционных потоков. Если в латиноамериканском все еще преобладают люди с невысоким уровнем квалификации, то в испанском значительную долю составляют профессионалы, связанные с современной сферой услуг, многие из которых (около 80%) обладали университетскими дипломами⁴². Опыт работы за пределами страны многими воспринимается уже не как акт эмиграции, а как профессиональная мобильность, позволяющая обогатить опыт и повысить конкурентоспособность на рынке квалифицированного труда⁴³.

Проявлению отмеченных явлений способствовало значительное улучшение социально-экономической ситуации в латиноамериканском регионе. Динамичный рост экономики латиноамериканских стран в период «золотого десятилетия» начала XXI в., контроль уровня инфляции, сокращение безработицы привели к улучшению социальной ситуации и положительно отразились на миграционной динамике⁴⁴. Расширение латиноамериканского вектора миграции свидетельствует о возросшей конкурентоспособности некоторых стран региона в борьбе за привлечение квалифицированных кадров.

Обозначенные переломные точки в характере волн и циклов миграций, поступательные изменения в развитии стран латиноамериканского региона свидетельствуют о значительной трансформации общей миграционной ситуации в период третьей волны глобализации. Современная межгосударственная мобильность становится индикатором, чутко реагирующим на состояние рынка труда. Новые свойства субрегиональности и межконтинентальности миграции, возросшая феминизация, становление феномена профессиональной мобильности в рамках иберо-американского пространства несут в себе огромный потенциал экономического развития и трансформации человеческого капитала. Положительная динамика экономик стран

Латинской Америки способна дать толчок к качественно новому проявлению миграционного потенциала. Само появление подобных тенденций свидетельствует о глубинных изменениях, происходящих на иберо-американском пространстве. Выделенные этапы развития миграционного процесса позволили проследить взаимосвязь с процессами глобализации и обозначить специфические механизмы, влияющие на мобильность людей в разные исторические периоды. За пять веков своей истории межконтинентальный миграционный процесс не утратил активности и способен придать новый импульс интеграции и мировому развитию.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ М.С.Ал'перович. Испанская Америка в борьбе за независимость. М., Наука, 1971. с. 204. [M.S.Al'perovich. Ispanskaya Amerika v bor'be za nezavisimost'] [Spanish America in the fight for Independence]. Moscow, Nauka, 1971, p. 204.

² Н.Ю.Кудеярова. Проблема периодизации миграционных процессов в Латинской Америке. — Латинская Америка, 2016, № 7, с. 68—74. [N.Yu.Kudeyarova. Problema periodizacii migracionnyh processov v Latinskoy Amerike] [The Latin America migratory processes periodization]. Latinskaya Amerika, 2016, № 7, pp. 68-74.

³ N.R i b a s M a t e o s. Una invitación a la sociología de las migraciones. Barcelona, Bellaterra, 2004, p. 75.

⁴ Л.С.Шейнбаум. Аргентинский этнос. Этапы формирования и развития. М., Наука, 1984, с. 100, 103. [L.S.Sheybaum. Argentinskiy etnos. Etapy formirovaniya i razvitiya] [Argentinian ethnos. Stages of formation and development]. Moscow, Nauka, 1984, p. 100, 103.

⁵ La población de Argentina. Buenos Aires, CICRED — INDEC, Serie Investigaciones Demográficas N°1, 1975, pp. 23, 60, 65.

⁶ A.S o l i m a n o. Globalización y migración internacional: la experiencia latinoamericana. — Revista de la CEPAL, Santiago de Chile, 2003, № 80, p. 57.

⁷ Народы Америки. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1959, т. 2, с. 541. [Narody Ameriki] [Nations of America]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959, t. 2, p. 541; G.P e d r a z a, Ya.D u r á n. No me olvides. Historias de vidas inmigrantes. Córdoba, Ediciones del Boulevard, 2006, p. 12.

⁸ La población de Argentina. Op. cit., p. 61.

⁹ И.Ф.Хорошаева. Основные направления этнического развития Бразилии. — Этнические процессы в странах Южной Америки. М., Наука, 1981, с. 453. [I.F.Khoroshaeva. Osnovnye napravleniya etnicheskogo razvitiya Brazilii] [The main tendencies of the Brazil ethnic development]. Etnicheskie processy v stranah Yuzhnoy Ameriki [Ethnic processes in the South America countries]. Moscow, Nauka, 1981, p. 453.

¹⁰ Ph.D. C u r t i n. The Atlantic Slave Trade. A Census. Madison, Milwaukee, London. The University of Wisconsin Press, 1969, p. 268.

¹¹ M.S.F.L e v y. O papel da migração internacional na evolução da população brasileira (1872 a 1972). — Revista de Saúde Pública. São Paulo. 1974, vol. 8 (supl.), pp. 52, 74.

¹² Народы Америки. Op. cit., p. 494.

¹³ OECD. Perspectivas económicas de América Latina 2010. Paris, OECD, 2009, p. 238; J.Z a m b e r l a m. O processo migratório no Brasil e os desafios da mobilidade humana na globalização. Porto Alegre, Pallotti, 2004, p. 35.

¹⁴ M.S.F.L e v y. Op. cit., p. 71.

¹⁵ А.В.Сарабьев. «Los turcos». На заре арабской иммиграции в Латинскую Америку. — Латинская Америка, 2015, № 5, с. 60. [A.V.Sarabiev. «Los turcos». Na zare arabskoy immigracii v Latinskuyu Ameriku] [Los turcos: at the dawn of the Arab immigration to Latin America]. Latinskaya Amerika, 2015, № 5, p. 60.

¹⁶ J.Th.C i n t r a. La migración japonesa en Brasil (1908-1958). México, Centro de estudios orientales, 1971, p. 103.

- ¹⁷ M.S.F.L e v y. Op. cit., p. 79.
- ¹⁸ J.Z a m b e r l a m. Op. cit., p. 63.
- ¹⁹ Perfil Migratorio de Uruguay 2011. Buenos Aires, OIM, 2011, pp. 43-44.
- ²⁰ Perfil Migratorio de Uruguay 2011. Op. cit., p. 45; Estadísticas históricas del Uruguay, 1900—1950. Montevideo, Universidad de la República, Facultad de Ciencias Económicas, 2007, t. 1, p. 9.
- ²¹ Л.С.Ш е й н б а у м. Op. cit., p. 143.
- ²² A.M a d d i s o n. The World Economy. A Millennial Perspective. Paris, OECD, 2001, p. 195.
- ²³ A.S o l i m a n o. Op. cit., p. 62.
- ²⁴ A.M a d d i s o n. Op. cit., p. 195.
- ²⁵ A.S o l i m a n o. Op. cit., p. 62.
- ²⁶ C.P i n t o L u n a. Exilio chileno: 1973-1989. Consecuencias del exilio, cómo se vive el exilio, producción artístico-cultural del exilio, Memoria de hijos de exiliados retornados de Francia. — Jornadas de Trabajo sobre Exilios Políticos del Cono Sur en el siglo XX. Buenos Aires, 2012, p. 4. — Available at: http://www.memoria.fahce.unlp.edu.ar/trab_eventos/ev.2557/ev.2557.pdf (accessed 10.01.2017).
- ²⁷ M.S.L a s t r a. Migración política de retorno en la redemocratización. Primeros contrapuntos entre los casos de Argentina y Uruguay. Jornadas de Trabajo sobre Exilios Políticos del Cono Sur en el siglo XX. Buenos Aires, 2012, p. 3. — Available at: http://www.memoria.fahce.unlp.edu.ar/trab_eventos/ev.2547/ev.2547.pdf (accessed 10.01.2017).
- ²⁸ A.M a d d i s o n. Op. cit., p. 195.
- ²⁹ OECD. Op. cit., pp. 249, 263.
- ³⁰ Н.Ю.К у д е я р о в а. США: законодательные барьеры и латиноамериканская иммиграция. — Латиноамериканские диаспоры в США. М., Наука, 2003, с. 113. [N.Yu.Kudenyarova. SShA: zakonodatel'nye bar'ery i latinoamerikanskaya immigraciya] [USA: legal barriers and the Latin American immigration]. Latinoamerikanskie diaspori v SShA [Latin American Diaspora in the U.S.]. Moscow, Nauka, 2003, p.113.
- ³¹ CEPAL. Anuario Estadístico de América Latina y el Caribe, 2014. — Available at: <http://estadisticas.cepal.org/cepalstat/> (accessed 15.07.2016).
- ³² La población de México, 1974. México, El Colegio de México, 1976, p. 6; INEGI, Datos de población. — Available at: <http://www3.inegi.org.mx/sistemas/temas/default.aspx?s=est&c=17484> (accessed 21.07.2016).
- ³³ G.C a b r e r a. Especialización económica y movimientos migratorios en México: un estudio de diagnóstico a nivel de subregiones para el periodo 1950-1960 y 1960-1970. — Crecimiento de la población y cambio agrario. México, El Colegio de México, 1979, p. 255.
- ³⁴ World Bank. Migration and Remittances Data. — Available at: www.worldbank.org (accessed 15.07.2016); Anuario de Migración y Remesas. México, 2013, p. 28.
- ³⁵ World Bank. Bilateral Migration Matrix 2013. Migration and Remittances Data. — Available at: <http://go.worldbank.org/JITC7NYTT0> (accessed 21.07.2016).
- ³⁶ OIM. Panorama Migratorio de América del Sur 2012. Buenos Aires, OIM, 2012, p. 23.
- ³⁷ Е.В.Б о л ь ш о в а, А.В.С а в е л ь е в а, Д.А.Щ е р б а к о в. Особенности развития торгово-экономических отношений Японии со странами Латинской Америки. — Латинская Америка, 2015, № 8, с. 54. [E.V.Bol'shova, A.V.Savelieva, D.A.Scherbakov. Osobennosti razvitiya trgovno-ehkonomicheskikh otnosheniy Yaponii so stranami Latinskoy Ameriki] [E.Bolshova, A. Savelieva, D. Scherbakov. The features of the development of trade and economic relations between Japan and Latin America]. Latinskaya Amerika, 2015, № 8, p. 54.
- ³⁸ Instituto Nacional Estadística de España. Extranjeros con certificado de registro o tarjeta de residencia en vigor. Serie 1998-2009. — Available at: <http://www.ine.es> (accessed 10.06.2016).
- ³⁹ Т.С.К о н д р а т ь е в а. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия. [T.S. Kondratieva. Diaspori v sovremennom mire: evoliuciya yavleniya i ponyatiya] [Diaspora in the modern world: the evolution of phenomena and concepts]. — Available at: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=48886> (accessed 23.06.2016)
- ⁴⁰ The International migration of women. Washington, World Bank, 2008, p. 3.

⁴¹ Encuesta Nacional de Inmigrantes 2007: el mercado de trabajo y las redes sociales de los inmigrantes. Madrid, MTI, 2010, p. 33.

⁴² La emigración de los jóvenes españoles en el contexto de la crisis. Análisis y datos de un fenómeno difícil de cuantificar. Madrid, INJUVE, 2014, p. 8. — Available at: http://www.injuve.es/sites/default/files/2014/17/publicaciones/Emigracion%20jovenes_0.pdf (accessed 25.06.2016).

⁴³ Э.Г.Ермольева, Н.Ю.Кудеярова. Новая испанская эмиграция в исторической проекции и современной посткризисной реальности. — Ибероамериканские тетради, 2015, № 3, с. 35. [E.G.Ermolieva, N.Yu.Kudeyarova. Novaya ispanskaya emigraciya v istoricheskoy proekcii i sovremennoy postkrizisnoy real'nosti] [The phenomenon of new Spanish emigration: its historical retrospect and present post-crisis reality]. Iberoamerikanskie tetradi, 2015, № 3, p. 35.

⁴⁴ Н.Ю.Кудеярова. Трансформация миграционных потоков в Испании: посткризисные перспективы. — Куда идет Испания? М., ИЛА РАН, 2013, с. 123-136. [N.Yu. Kudeyarova. Transformaciya migracionnyh potokov v Ispanii: postkrizisnye perspektivy] [Migratory streams in Spain under Transformation: post-crisis trends]. Kuda idet Ispaniya? [The Outlook for Spain]. Moscow, 2013, p. 123-136.

Nadezhda Yu.Kudeyarova (n.kudeyarova@yandex.ru)

Ph.D. (History), Lead Researcher, Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences (ILA RAS)

The Mass Migration Epoch in Latin America: globalization vs. localization

Abstract. The paper treats the migration processes developed in Latin America from the Independence fighting to the current period. The formation of the independent states in Latin America has led to a migration processes paradigm change - the center of migration policy has moved to the recipient countries, the human mobility being determined mainly by the personal socio-economic motives. During this period, the geography and dynamics of migration flows was the result of the interplay of global and local determinants. The mentioned features allow the tracing of the specific mechanisms affecting the human mobility in different historical periods.

Key word: Latin America, Spain, migration, globalization, mobility, integration